

Т.А. Кошемчук

ОБРАЗЫ АНГЕЛА И ДЕМОНА В ПОЭТИЧЕСКИХ ВИДЕНИЯХ А. А. ФЕТА

Статья посвящена одной из линий религиозно-философской поэзии А.А.Фета – теме ангельских и демонских образов, которая является сквозной в русской поэзии в целом. Эти образы отражают опыт интуитивных творческих прозрений поэта и специфику его духовной личности. В поэтических видениях Фета образы ангела (ангел-хранитель, ангелы, поющие хвалу Богу, горние существа, соприродные человеку) и демона (сила зла, образ главенствующего искушения – дух сомнения, иронии и холодного презрения к высокому) созвучны христианской традиции.

Ключевые слова: философская поэзия, христианская традиция, поэтический образ.

орошо известно, что А. А. Фет решительно отрицал философскую поэзию; подчас в полемическом запале борьбы он высказывал на этот счет резкие суждения. Но если противостояние духу времени, свойственное Фету, вынести за скобки, то в них можно обнаружить, что объектом его неприятия является именно рационализм, рассудочные пути мысли в стремлении к Истине. Поэт противопоставлял разум и ум, мысли и думы: первое связано с временным и тленным, второе с бесконечным. Опыт постижения сущности вещей, данный самому поэту, – это опыт чувства, опыт интуитивного проникновения в высшее. «Разум не двигатель, а контролер-бухгалтер (...). Бог сидит в чувстве, и если Его там нет, разум Его не найдет» [4, 30]; «разум – ходячая монета всего рода человеческого...», «интуитивная сила прочнее, вернее (...), кровнее, наследственной – индивидуальной» [5, 52–53]. Жажда горнего, врожденный запрос бесконечного [1, 17], – одна из определяющих особенностей духовного мира Фета, и реализации этой жажды истины поэт ищет не на путях рассудочного мышления, но в опыте сердца, в интуитивных и творческих прозрениях.

В поэзии Фета складывается целый корпус стихотворений, которые можно отнести к лирике духовной и философской, в которой воплощены не просто лирические переживания (таковых стихотворений у Фета большинство), но и «думы» поэта. К ним можно отнести из 674 стихотворений фетовского полного собрания стихов около сотни стихотворений. Но их «поэтической мысли», «поэтическому содержанию» — эти понятия Фет сформулировал в статье «О стихотворениях Ф. И. Тютчева» (1859) — как ни странно, исследователями уделялось немного внимания.

В обозначенной группе стихотворений Фета можно выделить ряд тематических линий, соотносимых с важнейшими лейтмотивами русской философской поэзии в целом: мир горний, Бог, мир природный, человек, путь поэта, смысл поэтического творчества и красоты, смерть и посмертие и др. Анализ этих аспектов требует внимания именно к «поэтическому содержанию» стихотворений.

Обратимся здесь к теме ангельских и демонских видений поэта — это тоже одна из сквозных линий в русской лирике: у каждого поэта есть свой ангел и свой демон, начиная с пушкинских «Ангел» и «Мой демон», — Пушкин здесь, как и во многих иных ситуациях, дал совершенное выражение темам, звучавшим ранее, и заложил традицию будущего их развития. В ней демон стал образом главенствующего искушения, подступающего к душе поэта и осознанного им, и стихи о демоне есть не что иное, как опыт самопознания поэта, опыт распознавания зла, столь значимый в православной аскетической традиции. Образ же ангела отражает горний идеал поэта, его представления о мире высшем.

Подобные поэтические образы характерны для всего творческого пути Фета. Это не случайно, ведь Фет с детства был глубоко причастен православному строю бытия, о чем свидетельствуют его мемуары. Так, он вспоминает о том, как была расписана крепостным живописцем каменная церковь в их приходе: «Еще теперь помню двух ангелов в северном и южном углах церкви: один с новозаветным крестом в руках, а другой с ветхозаветными скрижалями. Как удачно живописец накиннул полупрозрачное покрывало на лик ветхозаветного ангела, намекая тем на учение прообразование» [6, 48–49]. Это созерцание ангелов, умение читать символизм изображений и хорошее богословское образование, полученное в семье, позднее будет отзываться в стихах поэта, в его чуткости к образам Предания.

Первый, ангельский ряд открывается в поэзии Фета стихотворением «Ночь тиха. По тверди зыбкой...» (1843), первым, в котором поэт обращается к евангельскому сюжету — к теме Рождества Христова, центральный образ — Божья Матерь. Оно начинается с описания ночного звездного неба — взгляд к горнему, затем — к земле, к яслям и юной Матери: «Ясли тихо светят взору, // Озарен Марии лик...» — рядом с Ней пастухи, радующиеся вместе с Ангелами, которые «в вышних // Славят Бога...» (цитата из Евангелия — Лк. 2: 14). Образ ангелов рождается у Фета в связи с ангельским славословием, хвалебной молитвой, с которой в единстве звучит и звездный хор: «Звездный хор к иному хору // Слухом трепетным приник». Духовный слух поэта, источник переживания, сменяется в стихотворении «Серенада» (1844) духовным зрением: звезды созерцаются как ангельские очи («Блещут ангельские очи, // Трепетно светя...»). Далее («Тихо ночью на степи...», 1847) разворачивается тот же образ — звезды как часть горнего, не затронутого грехом мира: «Звезды ж крупные в лучах //

Говорят на небесах: // Вечный Свят, Свят, Свят!» – славословие звезд, звездный хор этого стихотворения есть Трисвятое песнопение Входа, звучащее на Литургии, восходящее к видению Исаяи (6: 1-3), в котором серафимы взывали: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!», – и к Апокалипсису: «Свят, Свят, Свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет» (Откр. 4: 8). Надмирная хвала горних духов, воспринимаемая поэтом в звездном хоре, отражается в его душе состоянием мира и особенной, тонкой одухотворенности, которая выражена в образе молчащего крыла (крыло есть символ полета, устремленности к горнему, и эта интенция души дана в тональности благоговейной тишины), и в тишине поэт слышит, как пушкинский пророк, «горний ангелов полет», точнее, его созерцает в падающей звезде: «... Нет движенья; лишь порой // Бриллиантовой слезой // Ангел пролетит».

Образ ангела в фетовских стихах неизменно будет изысканным и утонченно-духовным. Фрагментарный в названных выше стихах, в стихотворении – «Видение» (1843) образ будет развернут в ангельское видение: «Не ночью, не лживо // Во сне пролетало виденье; // Свершилось диво: // Земле подобает смиренье». Лаконична и точна мысль поэта: произошедшее есть чудо (не лживое сновиденье), диво, то есть то, чего земля недостойна, земное должно признать себя таковым, ведь, согласно безупречно точной в православном контексте формуле поэта, земле подобает смиренье: чудо произошло не по заслуге, а по милости.

Чудесное виденье связано с Киево-Печерской Лаврой, с преданием о построении церкви, и видение строителей Лавры описано так, как будто его переживает сам поэт: это его взгляд устремлен к безлюдным пока еще Киевским горам: «Прозрачные тучи // Над дикой Печерской горю...», выше них – в небо, к тучам, на фоне которых он, как и строители храма, перевоплощаясь, проникая в их видение, созерцает ангелов:

И юноши в белом
Летели от края до края,
Прославленным телом
Очам умиленным сияя.

А над тучами «все выше, в сиянии славы, // Заметно для ока // Вставали Печерские главы...». Так реальные храмы напомнили поэту о видении, открывшемся когда-то умиленным очам строителей Лавры (эта катехреза соединяет представление о сердечном умилении и благоговейном созерцании). Поэт видит своим умственным взором то, что пребывает – что когда-то созерцали они: ангелы по-прежнему парят над церковными главами в небесах. Глядя на храмы, он видит их сияющий в небе первообраз. Так отразилось в мистически чуткой душе поэта известное предание.

«Мой ангел» (1847), второе стихотворение в жанровой форме видения, – это духовное созерцание ангела-хранителя: «Как он прекрасен, // Гость-небожитель! // Он не состарился // С первой улыбки моей в колыбели...». Далее оно сменяется воспоминанием о детском видении, когда ангел предстал, «... играя // Златыми плодами // Под вечною райскою пальмою...». Но идиллически-детский образ неожиданно меняет тональность: ангел показывает ребенку совсем не детскую картину: указывает

... На Матерь-Деву
Страдальца Голгофы – и подле
Двенадцать престолов во славе.